

УДК 821.161.1.091:130.3:94(47+57),19”

UDC

DOI: 10.17223/23451734/3/5

РОССИЯ И СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А.Н. МАЙКОВА

О.В. Седельникова

Томский политехнический университет,

Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 30

E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

Авторское резюме

На основе изучения документов архива А.Н. Майкова рассмотрен вопрос о месте России и славянского мира в европейском культурном пространстве в творческом сознании поэта, уточнено смысловое наполнение понятия «Восток» в его мировоззрении (Восточная Европа, славянский мир, преемственность истинного византийского христианства) и выявлена доминантная роль данной оппозиции в процессе развития его общественных и эстетических взглядов. Восток и Запад Европы, родственные в своих духовных корнях, противопоставляются исповеданием разных религиозных конфессий – восточного православия и западного католицизма. Эта мысль последовательно реализуется в творчестве и эпистолярии Майкова 1840–1880-х гг. и становится основой для формирования панславистских идей.

Ключевые слова: А.Н. Майков, Россия, славянский мир, славянская культура, Восток, Запад, православие, католицизм.

RUSSIA AND THE SLAVIC WORLD IN CREATIVE CONSCIOUSNESS OF A. MAYKOV

O.V. Sedelnikova

Tomsk Polytechnic University

30 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

Abstract

Based on the analysis of Maykov's archive the place of Russia and Slavic World in European cultural environment in the poet's creative consciousness is considered, semantic content of the term "East" (Eastern Europe, Slavic World, succession

of the true Byzantine Christianity) in his outlook is specified. Overbearing role of the given opposition in the development of his social and aesthetic views is elicited. European East and West, having cognate spiritual roots, are opposed by different confessions: Orthodox Christianity in the East and Catholicism in the West. This idea is consistently unleashed in Maykov's creative work and letters of 1840–1880 and turns into basis for shaping the Panslavic concept.

Keywords: A.N. Maykov, Russia, Slavic World, Slavic Culture, East, West, orthodoxy, catholicism.

С начала XVIII в. оппозиция Восток – Запад становится одной из основных в процессе осмысления прошлого, настоящего и будущего России в сознании представителей русской науки и культуры. В XIX в. внимание к ней еще более усиливается в связи с растущей потребностью определения Россией своей специфики в контексте европейского культурно-исторического пространства, особенно под влиянием становления новой русской историографии и активизацией борьбы южнославянских народов за независимость. К 1840 гг. вопрос об отношениях России и Европы приобретает особую остроту в контексте оформления идеологических концепций западничества и славянофильства и напряженных споров о самобытности русской истории и понимании личности, ширящихся вокруг журнальной полемики К.Д. Кавелина и Ю.Ф. Самарина.

А.Н. Майков принадлежал к поколению художников, дебютировавших в первой половине 1840-х гг. и сформировавших основы мировоззрения в атмосфере споров о судьбе России об истоках ее национальной самобытности. Эта проблематика изначально привлекала внимание поэта, определив магистральные направления его духовных поисков.

Мемуарные источники свидетельствуют о том, что интерес к русской истории и шире – к славянскому миру вообще – на рубеже 1830–1840-х гг. был характерен для непосредственного окружения поэта – старшего поколения участников кружка Майковых, определяя во многом их духовные интересы. Е.П. Майкова, мать поэта, москвичка по происхождению, с момента появления выписывала «Москвитянин» (Гродецкий 1994: 464), публикации которого стали предметом внимательного изучения сыновей. Серьезный интерес к русской истории, к историческому документу как первоисточнику определял одно из направлений умственной деятельности В.А. Солоницына. В 1835 г. он поместил в домашнем рукописном

альманахе Майковых фрагмент записок графа Ростопчина «Кончина императрицы Екатерины II» (Гродецкая 2001: 33), а в 1841 г. в журнале «Москвитянин» вышла его повесть «Царь – рука Божья. Быль времен Петра Великого» (Гродецкая 2001: 7). Другой представитель старшего поколения кружка Майковых, А.П. Заблоцкий-Десятовский, известный экономист и статистик, на рубеже 1830–1840-х гг. задумывает вместе с В.Ф. Одоевским известный впоследствии проект – просветительское издание журнала для народа «Сельское чтение», в статьях которого концептуальным элементом был стиль, приближенный к народной речи, воспроизводящий ее традиционные формы. О принципиальности такого языкового решения свидетельствует то, что стилизация проникает даже в письма Заблоцкого к Одоевскому: «Имеем честь мы поздравить Ваше сиятельство с возвращением из бусурманских стран. А желаем мы вас, батюшка князь, весьма зело видеть [нрзб.] очень, и есть у нас и нуждишка до Вас, батюшка; а и первая нуждишка та, не изволите ли, батюшка, приложить ума-разума да настрочить грамотку к православному народу, который будет читать третью книжку “Сельского чтения”; а книжка эта уже, почитай, совсем готова, и конец набросан» (РНБ 1830–1840: 56).

Серьезные занятия Майкова славянской историей начались еще в студенческие годы. По свидетельству биографов поэта, этому способствовали публикации в журнале «Москвитянин», которые привлекали еще юного Аполлона Майкова к активному изучению истории, литературы и этнографических особенностей славян (Семевский 1904: 12). Результатом этих занятий стало написание диссертации «Первоначальный характер законов, по источникам славянского права» (Семевский 1904: 12).

Значительное влияние на формирование устойчивого интереса Майкова к славянскому миру и проблеме типологической сущности славянской культуры оказала книга П. Шафарика «Славянские древности», с которой, судя по всему, поэт познакомился еще в период работы над диссертацией. Описывая в письме Н.В. Гербелю формирование своих взглядов, поэт отмечал: «<...> с одной стороны, Гегель в лекциях? <...> с другой – «Москвитянин», [нрзб.] и Шафарик; диссертация, в которой в первый раз в петербургском университете было произнесено слово: славяне, а именно: «Первоначальный характер законов, по источникам славянского права», т.е. разбор сравнение «Русской правды», законов [нрзб.], законов

царя Душана и пр. и общий вывод. И причем тема взята мною для того, чтобы не повторить уже известное, а представить что-нибудь новое» (РНБ 1863–1873: 2 об.).

Изначальное внимание к самобытным особенностям славянской истории и культуры определяет направление последующего развития историко-культурных взглядов Майкова. Значительный материал для этого дает предпринятое им в 1842–1844 гг. путешествие по Европе. Именно в письмах, путевом дневнике и художественных произведениях того периода начинает оформляться оппозиция Восток – Запад, определяющая в процессе разработки вопроса об отношениях России и Европы. Здесь необходимо отметить, что, наблюдая за полемикой славянофилов и западников, Майков и его ближайшее окружение не принимали точку зрения ни одной из спорящих сторон, придерживаясь диалектического взгляда на предмет спора, определяющего позже историософскую концепцию почвенничества. Изначальной основой восприятия любых фактов европейской культуры, в том числе декларируемых в публичных дискуссиях как средство улучшения русской жизни, становится стремление проверить их на соприродность коренным особенностям национального бытия (Седельникова 1999: 51).

На этом фоне весьма показательно, что первые же впечатления Майкова о Европе характеризуются резко критическим отношением к западному миру, воспринятому им прежде всего через жизнь Франции. Франция и Париж становятся в его сознании самым ярким проявлением сущности современного состояния жизни Запада, главным образом, в аксиологической плоскости. Поэт неоднократно подмечает поверхностность и непостоянство французов, подчеркивая, что «самая жизнь французов – тоже *factice*, поддельная: жизнь чисто внешняя, которой предавать себя могут только люди, у которых в голове и в душе должно быть очень пусто, происходит ли эта пустота от разочарования, утраты чувств, или от малого запаса знаний, составляющих источник тихих, более красивых наслаждений» (Майков 2013: 17). Бегло анализируя особенности французской общественной жизни первой половины XIX в., Майков обнаруживает за внешней «кипячкой европейской жизни» странную бессмысленность и безыдейность движения, обусловившую деструктивность культурных процессов (Седельникова 2014: 79–81). Знаки высоты духовного развития народа Майков обнаруживает лишь в прошлом, осматривая соборы Парижа, которые нередко поражают его своим

совершенством и высотой выраженного в них напряжения духовных устремлений (Майков 2013: 18, 22–26, 43–44).

Жизни Запада, наполненной мелочными и пустыми интересами, в сознании Майкова противопоставлена жизнь Востока, который в его представлениях семантически более связан не с Азией, но обозначает Восточную Европу, славянский мир, вставший на границе с Азией и в религиозном смысле являющийся наследником не римско-католической, а константинопольской, восточно-византийской ветви христианства. Это целый славянский мир со своим особым духовным строем, национальной историей и культурой, значительно отличающийся от истории и культуры романо-германских народов. В этом контексте Россия воспринимается Майковым и его ближайшим окружением как значимая часть Востока, его центр, единственное сильное, свободное, самостоятельное славянское государство. Особую роль в формировании такой смысловой доминанты понятия «Восток» играет общее внимание участников кружка Майковых к проблемам славянского мира, которому в некоторой степени способствовала деятельность А.П. Заблоцкого-Десятовского, бывшего с 1832 г. редактором «Журнала министерства внутренних дел», а с 1840 г. – «Журнала министерства государственных имуществ» (Большая энциклопедия 1900–1907: 441), и его младшего брата, близкого друга А.Н. Майкова М.П. Заблоцкого-Десятовского, который осенью 1842 г. готовился выехать на службу в Сербию и живо интересовался всеми событиями, происходящими на славянском Востоке (ИРЛИ 1842–1843: 2–2 об. и др.).

Влияние на трактовку понятия «Восток» в сознании Майкова в этот период продолжала оказывать историософская концепция Шафарика. Желание чешского исследователя выявить связь славянской культуры с основами европейского или азиатского типа во многом определяет собственные поиски поэта 1840-х гг., что отражается не только в письмах, но и в основах проблематики его произведений этого периода, прежде всего поэтического цикла «Очерки Рима» (1847) и поэмы «Две судьбы» (1844), основой которых послужили впечатления от путешествия Майкова по Европе 1842–1844 гг. О последовательном интересе молодого Майкова к идеям Шафарика свидетельствует письмо к нему М. П. Заблоцкого: «Кстати о Славянщине (*характерное слово в лексиконе участников кружка Майковых.* – О.С.). Я приобрел [нрзб.] Шафарика (твоего, кажется, любимца)» (ИРЛИ 1842–1843: 2 об.). Концепция чешского историка

неоднократно упоминается в переписке Майкова с М.П. Заблоцким, который обращается к вопросу о роли России в освобождении славянских народов от турецкого ига. Письма Заблоцкого Майкову 1842–1843 гг. свидетельствуют о заинтересованности обоих друзей в обсуждении этого круга проблем, о стремлении осмыслить истинную роль России в европейском историческом процессе. Так, 3 октября 1842 г., говоря о подготовке к служебной поездке в Сербию, Заблоцкий с восторгом пишет:

«Желая познакомиться с отношением Турции к славянским народам, я стал вычитывать одно сочинение о Турции (одного англичанина, бывшего секретарем при Англ<ийском> посольстве в Константинополе). Если бы ты знал, душа моя, с каким восторгом прочел я следующие слова иностранца об России; я так полон восторга, произведенного ими во мне, что не могу не передать их тебе. Вот что говорит он о том, что сделала Россия по отнош<ению> к Турции: “На протяжении века могущество оттоманское казалось как табакерка, украшенная бриллиантами, которая содержит только грязь; именно Россия подняла ее крышку. Именно России принадлежит заслуга если не уничтожить, то по меньшей мере приручить оттоманскую гордость, которая является корнем всех зол империи; ей принадлежит и слава освобождения старинных племен (rayas); она это сделала, подтолкнув на восстание Грецию и Сербию, взяв под свою защиту Молдавию и Валахию, предоставив поддержку своим штандартом греческому морскому флоту <...>, создавая после каждой победы новые преимущества для утверждения Христианской веры. Произведенное освобождение будет всегда такой страницей в истории России, и если несколько ригористов жаловались, что оно было продиктовано корыстными мотивами, им можно ответить, что личная цель, движущая Россией, была совершенно оправдана <...> (перевод с французского, автор не установлен)”. Вот и стали мы содействовать мировым интересам» (ИРЛИ 1842–1843: 2–3 об.).

Пристальное внимание Майкова к идеям панславизма, проблемам славянского Востока и роли России в их решении, размышления о необходимости изменений в связи с этим во внешней политике демонстрирует объемная запись в путевом дневнике от 9 марта 1843 г., отражающая различные мнения польских эмигрантов о судьбе Польши:

«В Париже теперь до 7 000 поляков-эмигрантов, и эти несчастные, даже вне своего отечества и безо всякой политической самостоятель-

ности, не могут быть согласны между собою, хотя бы, кажется, должны были быть соединены общим бедствием. Между ними три партии: аристократическая, демократическая, желающая восстановления Польши в древних ее пределах, в форме республики или конституционной монархии, с уравнием всех сословий и состояний, так чтобы каждый поляк имел равные права с прочими. След<овательно>, уничтожение Шляхты, Магнатов, крестьян. Другая партия, органом которой есть Мицкевич, мечтает о примирении и соединении всех славянских племен, пожалуй, хотя под властью одного монарха, но так, чтобы все славянские государства были равны, а не составляли бы провинцию одного государства, как теперь Польша по отношению к России. Они говорят: мы все братья, я – поляк, ты – русский, но мы все славяне. Эта партия хоть составлена не в духе национальности польской, однако может доставить полякам больше утешения, нежели другие, ибо мечтания демокр<атической> партии, в духе патриотизма, освещенного новейшими идеями, не могут осуществиться при настоящем положении вещей. Видя в действиях России осуществление своей идеи, мицкевичевская партия оскорблена только тем, что наше правительство действует слишком эгоистически, как бы не *сознавая своего назначения поднять славянский мир и вести его вперед, а налагая только новое славянское, русское иго. Главное негодование на отделение Познани и Галиции; ее желание: образование великой Славянской Конституционной Монархии* (курсив мой. – О.С.).» (Майков 2013: 120–121).

Интерес Майкова к славянскому миру еще более углубляется после посещения в 1844 г. Праги, в которой поэт пробыл два месяца, выучил чешский язык и познакомился с кружком славянских патриотов во главе с В. Ганкой и П. Шафариком (ИРЛИ 1840–1857: 1–2). Они убедили Майкова в том, что долг России в настоящее время – объединить славянские народы, освободив их от многовекового турецкого ига, и заявить о себе в Европе, заставив считаться со своими интересами (Языков 1897: 235).

Художественные произведения этого периода, прежде всего связанные проблематикой и сюжетом с путешествием по Европе поэма «Две судьбы» и поэтический цикл «Очерки Рима», уточняют еще один важный аспект формирующейся оппозиции. В них Майков сопоставляет национальные характеры как культурно-исторически и геоклиматически обусловленные типы, выявляя значительные различия между славянином и европейцем. При этом некоторые

характерные особенности семантики художественного пространства поэмы и психологические характеристики героев свидетельствуют о том, что в сознании Майкова этого периода вопрос о положении России между Европой и Азией еще остается не до конца проясненным, по крайней мере ни художественные произведения, ни письма и заметки не дают однозначного ответа на данный вопрос. Характер хронотопа поэмы «Две судьбы» не позволяет исключить азиатские черты в структуре русского национального характера.

Новый этап в осмыслении оппозиции Восток – Запад в сознании Майкова открывается в годы Крымской войны, которая, по признанию самого поэта, «поглотила меня совершенно» (ИРЛИ без даты: 1). В этот период поэт вышел из состояния духовного оцепенения, в котором находился долгое время после процесса петрашевцев. Осмысливая изменения, произошедши в русском общественном сознании в середине 1850-х гг., Майков называет это время «началом нового периода нашей исторической жизни» (Языков 1897: 251), так как народ вышел на новый уровень самоосознания, почувствовав, что «мы особый мир; Восток Европы не то, что Запад» (Майков 2007: 152) (при этом очевидно, что принадлежность России европейскому типу культуры устанавливается им через осознание органического единства аксиологических основ в культурном сознании русских и европейцев, восходящих, с одной стороны, к Античности, а с другой – к раннехристианской духовности). В эти годы Майков ощущает себя обязанным привлечь современников к глубинному осмыслению сути происходящего и запечатлеть единый патриотический порыв, объединивший на время даже западников и славянофилов. Итогом его размышлений становится поэма «Клермонтский собор», вызвавшая живое сочувствие современников, охарактеризованная критикой как «задушевное выражение общего чувства патриотизма» (Некрасов 1950: 611). Оппозиция Восток – Запад получает в этом произведении дальнейшую проработку. Основной смысл происходящего, по Майкову, заключается в том, что Запад увидел на Востоке новую силу, претендующую на равноправие, силу, которая опирается не на физическую мощь, а на духовную состоятельность. Это столкновение выявило духовную энтропию, охватившую Запад, и подчеркнуло жизнеспособность Востока (Седельникова 2004).

Важнейшим аспектом в противопоставлении Востока и Запада, подчиняющим все другие стороны и объясняющим их, оказывается в этот период религиозный аспект. Восток и Запад Европы, глубоко

родственные в своих духовных корнях, что теперь очевидно Майкову (не случайно в поэме он называет европейцев «западными братьями»), противопоставляются исповеданием разных христианских конфессий – восточного православия и западного католицизма. Православие, пройдя суровые испытания, сохранило верность идеалам любви и самопожертвования, служа не временному, а вечному. Католицизм же, изначально далекий от понимания человеческих слабостей, постепенно превратился в государственный институт, перестал быть хранителем вечных истин, порвал связь с христовыми заповедями и из опоры для человека превратился в сдерживающий механизм. Эта мысль последовательно реализуется в творчестве и эпистолярной Майкова 1860–1890-х гг. и, наконец, обретет выразительную и емкую формулировку в письме А.А. Голенищеву-Кутузову, написанном летом 1892 г.:

«И не поражал вот факт, что, не говоря уже об англосаксонском [нрзб.], вся западная Европа, и особенно сектантская, все более поклоняется Библии, более ее чтит, чем Евангелие. Вот отличие между прочим православия от Запада и, преимущественно, русского. У нас Евангелие – откровение любви, а там – грозный Егова, мститель и потребитель» (ИРЛИ 1892: 4 об.).

Духовно-религиозная основа оппозиции Восток – Запад как истинной, животворной и ложной, формальной веры реализуется в композиционном строе поэмы «Клермонтский собор»: в первой части Майков изображает историю объединения европейских народов для борьбы против мусульман, зверствующих на христианском Востоке, а во второй с возмущением говорит о том, что католицизм, разрушивший свою духовную сущность, готов объединиться с мусульманами против братьев-христиан, хотя бы ложью и силой добившись победы Ватикана над Константинополем. Еще более определенно эта мысль реализована поэтом в письме брату, историку Аполлону Александровичу Майкову: «Парижский архиепископ говорил войскам, идущим в Грецию и Россию: “Вы идете поддерживать Святую Католическую веру, вы поборники христианства”, – и когда при этих словах выразилось на всех лицах недоумение, он должен был прибавить: “Вы идете сражаться для уничтожения шизматиков, то есть исповедующих греческий закон!” Что же он не <...> не прибавил: “истребить греков-шизматиков и поддержать магометанство”. Да уж, где нет правды, там не знают, за что дерутся» (ИРЛИ без даты: 1).

В 1860–1890-е гг. характер трактовки оппозиции Восток – Запад в сознании Майкова не претерпевает существенных изменений. Художественные произведения и эпистолярное наследие этого периода дают основания говорить о более детальной проработке отдельных аспектов заявленной проблематики и основанном на этом размышлении о роли России в судьбе Европы. Значительная часть этих размышлений представлена в письмах одному из ближайших друзей и единомышленников – Ф.М. Достоевскому. Актуальность обращения к оппозиции Восток – Запад определяется, с одной стороны, столкновением одного из участников диалога с европейской жизнью, с другой – остротой споров о судьбе России, характеризующей проблематику общественной жизни России рубежа 1860–1870-х гг., а также знакомством адресатов с книгой Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», концептуальные положения которой заставили откликнуться обоих.

Противопоставляя католический Запад православному Востоку, Достоевский и Майков размышляют об основах духовной жизни русского народа, органично связанной с православной доминантой, позволившей выстоять России в самые сложные и смутные периоды истории, когда появлялась угроза уничтожения самобытности. Они обсуждают события русской истории, эксплицирующие сущность национальной души, жадно ищущей истины. Трактовка православия как истинного христианства, сохранившего жертвенный образ Христа, определяет обращение Майкова к творческому исследованию сюжетов из русской истории. Этот замысел неоднократно обсуждается в переписке с Достоевским, рождая в сознании последнего один из важнейших тезисов его эстетической программы – размышление о «поэме как самородном драгоценном камне в душе поэта» (Седельникова 2012). Внимание Майкова к сущностным проявлениям раннехристианской духовности, унаследованный русским православием и обусловивший важнейшие черты национального характера русского народа, порождает новый виток интереса к истории ранних христиан. В зрелые годы с новой силой возобновляется работа над этой, привлекавшей поэта еще в молодости, темой. Результатом ее становится поэма «Два мира», предметом художественного исследования в которой явились образы первых христиан с их страстным духовным поиском и самоотречением во имя истины. Характерная для позднего Майкова идея мистического откровения, духовного прозрения истины, определяющая православное мироотношение, сближает его с поисками художников и мыслителей конца XIX в.,

например, с Д.С. Мережковским, который в одной из сохранившихся в архиве поэта записок обращается к нему как к «дорогому учителю» (Мережковский: 1).

Таким образом, оппозиция Восток – Запад, понимаемая как противостояние Восточной Европы (Россия и славянский мир) и Западной Европы (романо-германские государства), православия и католицизма, духовной живости и омертвения, последовательно формируется в сознании А.Н. Майкова в процессе осмысления насущных проблем, стоявших перед русскими художниками и мыслителями середины – второй половины XIX в. Противопоставление славянского мира и мира католического становится постепенно доминантной в его мировоззрении, определяет специфику общественных взглядов поэта, последовательно реализуясь в его переписке, статьях и художественных произведениях. Очевидно, что в пространстве его художественных текстов проанализированная оппозиция имеет еще один семантический аспект – аспект художественной культуры, но в этом плане Восток и Запад не столько противопоставляются друг другу, сколько обнаруживают родство, восходя к единому истоку – античной эстетике, обогащенной евангельским духовным началом.

ЛИТЕРАТУРА

Большая энциклопедия 1900–1907 - Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания под редакцией С.Н. Южакова. СПб.: Типография товарищества «Просвещение», 1900–1907. Т. 9. С. 441.

Гродецкая 1994 - *Гродецкая А.Г.* Майкова Евгения Петровна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 464–465.

Гродецкая 2001 - *Гродецкая А.Г.* Чувствительные и холодный (В.А. Соловьев и семья Майковых) // Лица: Альманах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. № 8. С. 5–49.

ИРЛИ 1840–1857 - Институт русской литературы (ИРЛИ). 16994. *Майков А.Н.* Письма Е.П. и Н.А. Майковым. 1840–1857 гг.

ИРЛИ 1842–1843 - Институт русской литературы (ИРЛИ). 16797. *Заблочный-Десятовский М.П.* Письма к А.Н. Майкову 1842–1843 и 1854–1856 гг.

ИРЛИ 1892 - ИРЛИ. 16662. *Майков А.Н.* Письма Голенищеву-Кутузову. Лето 1892.

ИРЛИ без даты - *Майков А.Н.* Письмо к Аполлону Александровичу Майкову // ИРЛИ. 17011. 1 л.

Майков 2007 - *Майков А.Н.* Записная книжка (*Публикация Н.В. Володиной*) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. СПб., 2010. С. 147–170.

Майков 2013 - *Майков А.Н.* Путевой дневник 1842–1843 гг. Итальянская проза / Сост. О.В. Седельникова. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 400 с.

Мережковский - *Мережковский Д.С.* Записка к А.Н. Майкову // ИРЛИ. 16886.

Некрасов 1950 - *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем. М.: Гослитиздат, 1950. Т. IX.

РНБ 1863–1873 - Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 179. № 68. Л. 6. *Майков А.Н.* Письма Н.В. Гербелю 1863–1873 гг.

РНБ 1830–1840 - РНБ. Ф 539. Оп. 2. № 520. *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Письма и записки В.Ф. Одоевскому. 1830–1840 гг.

Седельникова 1999 - *Седельникова О.В.* Формирование почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 49–53.

Седельникова 2004 - *Седельникова О.В.* К вопросу об истории творческого диалога Ф.М. Достоевского с А.Н. Майковым (письмо Достоевского Майкову от 18 января 1856 г.) // Достоевский и время. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. С. 112–124.

Седельникова 2012 - *Седельникова О.В.* В дополнение комментария к письмам Ф.М. Достоевского А.Н. Майкову (Письмо о «поэме» Достоевского и события русской истории в творческом осмыслении Майкова) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 95–103.

Седельникова 2014 - *Седельникова О.В.* Парижские заметки путевого дневника А.Н. Майкова 1842–1843 годов: к вопросу об особенностях мировоззрения поэта // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 77–85.

Семевский 1904 - *Семевский.* Майков в университете // А.Н. Майков. Его жизнь и сочинения. М., 1904. С. 12–14.

Языков 1897 - *Языков Д.Д.* Жизнь и труды А.Н. Майкова // Русский вестник. 1897. № 12.

REFERENCES

Yuzhakov, S.N. (ed.) (1900–1907) *Bolshaya Entsiclopedia. Slovar' obshchedostupnykh svedeniy po vsem otraslyam znania pod redaktsiey* [The Big Encyclopedia. Encyclopedia of popular facts in all fields of knowledge]. Vol. 9. Saint Petersburg: Prosveshchenie.

Grodetskaya, A.G. (1994) Maykova Yevgenia Petrovna [Maykova Yevgenia Petrovna]. In: Nikolaev, P.A. & Baskakov, V.N. (eds) *Russkiye pisateli. 1800–1917. Bibliograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. A Bibliographical Reference Book]. Vol. 3. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 464–465.

Grodetskaya, A.G. (2000) *Chuvstvitelnyy i holodnyy* (V.A. Solonitsyn i semya Maykovykh). [Sensitive and Cold (V.A. Solonitsyn and the Maykovs)]. In: Lavrov, A.V. & Pavlova, M.M. (eds) *Litsa: Al'manach* [Faces: Almanac]. Issue 8. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 5-49.

Maykov, A.N. (1840–1857) *Pis'ma Ye.P. i N.A. Maykovym. 1840–1857* [Letters to Yevgenia Petrovna and Nikolai Alexandrovich Maykov. 1840–1857]. Institute of Russian Literature (IRLI). Fund 16994.

Zablotskiy-Desyatovskiy, M.P. (n.d.) *Pisma k A.N. Maykovu 1842–1843 i 1854–1856* [Letters to A.N. Maykov. 1842–1843 and 1854–1856]. Institute of Russian Literature (IRLI). Fund 16797.

Maykov, A.N. (1892) *Pis'ma Golenishchevu-Kutuzovu. Leto 1892* [Letters to Golenishchev-Kutuzov. Summer 1892]. Institute of Russian Literature (IRLI). Fund 16662.

Merezhkovskiy, D.S. (n.d.) *Zapiska k A.N. Maykovu* [Note to A.N. Maykov]. Institute of Russian Literature (IRLI). Fund 16886.

Maykov, A.N. (n.d.) *Pis'ma k Apollonu Alexandrovichu Maykovu* [Letters to Apollon Alexandrovich Maykov]. Institute of Russian Literature (IRLI). Fund 17011.

Maykov, A.N. (2010) *Zapisnaya knizhka* (Publikatsia N.V. Volodinoy) [A Notebook (Published by N.V. Volodina)]. In: *Yezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2007–2008* [Pushkin House Manuscript Department Annual of 2007–2008]. St. Petersburg. Pushkinsky Dom. pp. 147-170.

Maykov, A.N. (2013) *Putevoy dnevnik 1842–43* [The travel diary of 1842–843]. St. Petersburg: Pushkinsky Dom.

Nekrasov, N.A. (1950) *Sobraniye sochineniy i pisem* [Collected Works and Letters]. Moscow: Goslitizdat.

Zablotskiy-Desyatovskiy, A.P. (1830–1840) *Pisma k V.F. Odoevskomu 1830–1840* [Letters to V.F. Odoevsky. 1830–1840]. Russian National Library (RNL). Fund 539. List 2. File 520.

Maykov, A.N. (1863–1873) *Pisma N.V. Gerbelyu 1863–1873* [Letters to N.V. Gerbel 1863–1873]. Russian National Library (RNL). Fund 179. File 68.

Sedelnikova, O.V. (1999) *Formirovaniye pochvennicheskikh vzglyadov v mirivozzrenii rannego Dostoyevskogo* [Formation of Pochvennichestvo of young Dostoevsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 268. pp. 49-53.

Sedelnikova, O.V. (2004) *K voprosu ob istorii tvorcheskogo dialoga F.M. Dostoyevskogo s A.N. Maykovym (pis'mo Dostoyevskogo Maykovu ot 18 yanvarya 1856)* [The history of artistic dialogue between F.M. Dostoevsky and A.N. Maykov. Dostoevsky's Letter to Maykov of January 18, 1856]. In: Novikova, E.G. & Kazakov, A.A. (eds) *Dostoyevsky i vremya* [Dostoevsky and Time]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 112-124.

Sedelnikova, O.V. (2012) *V dopolneniye kommentariya k pis'mam F.M. Dostoyevskogo A.N. Maykovu (Pis'mo o "poeme" Dostoyevskogo i sobytiya russkoy istorii v tvorchestvom osmyslenii Maykova)* [To the commentary of F.M. Dos-

toevsky's letters to A.N. Maykov (Letter about Dostoevsky's "poem" and events of Russian history in Maykov's creative interpretation)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 95-103.

Sedelnikova, O.V. (2014) Parisian Notes in Apollon Maikov's Traveler's Diary of 1842-43: on the idiosyncrasies of the poet's world outlook. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 77-85. (In Russian).

Semevskiy. (1904) Maykov v universitete. [Maykov at the university]. In: Pokrovsky, V.I. (ed.) *A.N. Maykov. Ego zhizn' i sochineniya* [A.N. Maykov. His life and works]. Moscow: Lissner and Geschel. pp. 12-14.

Yazykov, D.D. (1897) Zhizn i trudy A.N. Maykova [A.N. Maykov's life and work]. *Russkiy Vestnik*. 12. p. 251.

Седельникова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Института международного образования и языковой коммуникации Национального исследовательского Томского политехнического университета.

Sedelnikova Olga – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, Institute of International Education and Language Communication, National Research Tomsk Polytechnic University.

E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru